

- С. 126 ; Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1888. С. 550 ; ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 2259. Л. 1–3 ; *Попов К.* Раскол и его путеводители. М., 1901. С. 39.
- ¹⁵ *Попов Н.* Указ. соч. С. 33., 142 ; *Соколов Н. С.* Указ. соч. С. 104, 112.
- ¹⁶ Последние годы Иргизских мнимо-старообрядческих (раскольничьих) монастырей // Самарские епархиальные ведомости. Самара, 1875. № 5. С. 66.
- ¹⁷ Эта цитата свидетельствует о переосмыслении концепции «Москва – III Рим», которая интерпретируется старообрядцами в свете преемственности традиций древнего благочестия именно их конфессией. Тем самым старообрядчество отводит себе роль лидера в наследовании истинно православного вероучения. См.: *Мельников П. И.* В лесах // П. И. Мельников (Андрей Печерский). Собрание сочинений : в 8 т. М., 1976. Т. 3. С. 192.
- ¹⁸ ГАСО. Ф. 407. Оп. 1. Д. 956. Л. 1.
- ¹⁹ *Мордовцев Д. Л.* Борьба с расколом в Поволжье // Мордовцев Д. Л. Собр. соч. СПб., 1901. Т. XXI. С. 32.
- ²⁰ *Мельников П. И.* Указ. соч. С. 462.
- ²¹ Цит. по: Последние годы... Самара. 1872. № 16. С. 296.
- ²² См.: «О правой вере, и церкви православной...». ОРК ЗНБ СГУ. № 1590.
- ²³ ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 10055. Л. 10 об.
- ²⁴ См.: *Ливанов В. Ф.* Раскольнические Хвалынские большаки // Саратовские епархиальные ведомости. Саратов, 1868. № 22. С. 134.
- ²⁵ Церковный Вестник, издаваемый при С.-Петербургской духовной академии. СПб., 1888. С. 205.
- ²⁶ См.: ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10843. Л. 1–4.
- ²⁷ Количественное превалирование на Черемшане женских монастырей над мужскими в целом отражает типичную для этого времени картину, связанную с процессом феминизации монашества в России.
- ²⁸ См.: *Ливанов В. Ф.* Указ. соч. С. 134.
- ²⁹ *Мизякин Л. Т.* Черемшан (В старообрядческих скитах). Саратов, 1909. С. 14.
- ³⁰ *Попов К.* Миссионерские сведения о расколе // Истина. Псков, 1872. С. 54.
- ³¹ *Дубякин Д.* Указ. соч. 1882. № 16. С. 239.
- ³² См.: «О правой вере...». ОРК ЗНБ СГУ. Л. 108.
- ³³ См.: *Соколов Н. С.* Указ. соч. С. 267.
- ³⁴ *Мизякин Л. Т.* Указ. соч. С. 44.
- ³⁵ См.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 2035. Л. 82–90.
- ³⁶ *Попов Н.* Указ. соч. С. 139.
- ³⁷ «Устав к руководству общежителства братии в обители приюта больных и престарелых, на Черемшане». ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 2035. Л. 143.
- ³⁸ *Соколов Н. С.* Указ. соч. С. 268.
- ³⁹ *Мизякин Л. Т.* Указ. соч. С. 21.
- ⁴⁰ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1774. Л. 4.
- ⁴¹ *Оглоблин Н. Н.* В черемшанских скитах (Из путевых заметок) // Исторический вестник : историко-лит. журн. СПб., 1911. Т. 126. С. 223.

УДК [94:33] (574.11)

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ УРАЛЬСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

П. В. Панькин

Саратовский государственный университет
E-mail: 213rankinp@mail.ru

В статье рассматривается социально-экономическое развитие Уральского казачьего войска в начале XX столетия. Цель исследования – проанализировать и обозначить некоторые особенности, которые были характерны для экономики самобытного во всех отношениях хозяйства уральских казаков.

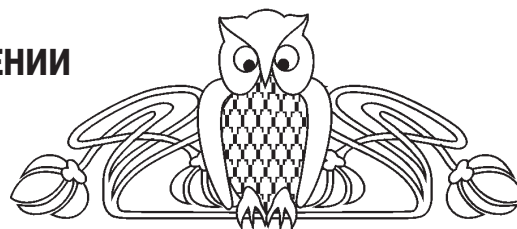
Ключевые слова: Уральское казачество, экономика, община, рыболовство, промышленность, железная дорога, нефтедобыча.

About the Economic Situation of the Ural Cossack Army in the Early Twentieth Century

P. V. Pankin

The article says about the socio-economic progress of the Ural Cossacks army at the beginning of XX century. The purpose of study is to analyze and designate some features that were typical for economics of the own Ural Cossacks' economy.

Key words: Ural cossack army, economy, community, fishing, industry, railway, oil production.

Земли Уральского казачьего войска на начало XX в. представляли собой весьма своеобразный регион России. По многим параметрам внутренней жизни населения, его быта, культуры, менталитета данная область представлялась посещавшим её крайне архаичной. Причиной этому было почти безраздельное господство старообрядчества, которое, несмотря на неодобрительное к нему отношение властей, прочно обосновалось в местной казачьей среде. Однако не только местный быт и нравы населения были особенными. Экономический уклад уральских казаков вплоть до революции 1917 г. также представлял собой интересное явление, имеющее ряд особенностей. Данная работа является некоторой попыткой рассмотреть их.

«Начиная от Гурьева городка, там, где-то далеко у Каспийского моря, и кончая средним течением Урала и его притоками, от теряющихся в песках Узеней на западе и до киргизских (т. е. казахских. – П. П.) степей на востоке – вся эта земля не знает ни частной собственности, ни даже русских общин-

ных переделов. Все её обитатели – как бы одна семья, каждый член которой имеет одинаковое право на родной клочок этой земли, раскинувшейся от края и до края горизонта, неделимой, немежеванной и никем не захваченной в личное владение...»¹ Такой была первая заметка В. Г. Короленко, приехавшего в 1900 г. в Уральск для знакомства с местной историей и бытом населения. То, что писатель сразу же отметил это в своём повествовании, неслучайно, так как общинное владение землёй у казаков было фундаментом, основой всей хозяйственной жизни. К началу XX в. (и далее, до 1917 г.) важнейшей особенностью данного региона империи было то, что вся земля его представляла собой одну большую общину. Это обстоятельство имело два важных значения. Первое – любой казак, даже самый бедный, имел право использовать ресурсы своей земли, что положительно сказывалось на общем уровне жизни населения. Второе – общинный характер землепользования приводил к значительному отставанию области в сфере развития сельского хозяйства и промышленности, так как любой человек, не входящий в казачье сословие («иногородний») и желавший заняться экономической деятельностью, связанной с сельским хозяйством, сталкивался со своеобразным местным «национализмом»: казачество неохотно уступало свои общинные земли. Люди, которые не принадлежали к войсковому сословию, обязаны были платить особые налоги. К примеру, даже в смете доходов войсковой казны на 1916 г. присутствуют следующие статьи: поземельный акциз с «иногородних» за право строиться и за места, занятые их строениями и дворами, акциз за выпас их скота на войсковых землях, сбор с лиц невойскового сословия за право охоты². Поэтому рассматривая экономическое положение Уральских казачьих земель, не следует забывать об общинном факторе, имевшем огромное значение в хозяйственном срезе местной жизни.

В начале XX в. рыбная ловля, старейшее занятие уральцев³, продолжала занимать одно из передовых мест в экономике войска. Уральское рыболовство продолжало быть главным «брендом» казаков. Исключительное право казаков на пользование богатыми речными ресурсами (на тех же общинных основах) было одним из главных их богатств. Более того, данное положение было подтверждено на самом высоком уровне. За верную службу Отечеству уральцам была дарована специальная царская грамота, в которой отмечалось: «...объявляем доблестному Нашему Уральскому казачьему войску особое монаршее Наше благоволение и подтверждаем Императорским словом Нашим право Уральского казачьего войска на пользование для рыболовства рекою Уралом, в пределах течения его по войсковым землям на существующих ныне основаниях»⁴. Более того, через некоторое время царское заверение было значительно и принципиально расширено: «Озабочиваясь ныне укреплением за Уральским казачьим войском предоставленных ему земель и рыболовных вод

на реке Урал и по побережью Каспийского моря, долженствующих служить в будущем источником для поддержания и развития войскового благосостояния, Мы признали за благо, в воздаяние за означенную службу, пожаловать названному войску настоящую Нашу грамоту на укрепление в вечное его владение указанных земель и рыболовных вод в беспорочных их границах...»⁵. Право казаков превратилось в вечное владение, по всей видимости, в качестве поощрения за то, что казаки, фактически, не участвовали в революции 1905 года. Однако если для власти это было всего лишь поощрение, для казаков это являлось важным подтверждением незыблемости их исконного владения Уралом.

Несмотря на то что рыболовство к началу XX в. было серьёзно потеснено хлебопашеством, позиции его в экономике края (а значит, и в жизни населения) оставались высоки. Казаки по-прежнему обязаны были на свои средства приобретать экипировку, вооружение, лошадей для службы. Во многом благодаря именно рыбному промыслу многие из них могли себе позволить эти приготовления. Кроме того, Н. А. Бородин, выдающийся уральский ученый конца XIX – начала XX в., указывал, между прочим, что рыболовство «...является важным подсобным промыслом, особенно выручающим население в случае неурожая хлебов. В эти годы количество участников в осеннем рыболовстве сильно увеличивается, и недостаток хлеба компенсируется заловом рыбы, дающей возможность иметь и хлеб»⁶. Однако нельзя сказать, что вылов и вывоз рыбы увеличивался. Скорее, этот промысел был постоянной и необходимой константой для казаков. К тому же рыбные запасы реки медленно, но верно истощались. В качестве иллюстрации этого утверждения можно сравнить данные о рыболовстве на Урале за несколько лет. В 1900 г. из области вывезли 2 048 450 пудов черной рыбы, 79 362 пуда красной рыбы и 6 060 пудов красной икры. Общая сумма вывезенного товара составила 6 млн руб.⁷ В 1904 г. цифры соответственно были следующими: 1 239 069 пудов черной, 124 001 пуд красной рыбы и 4 712 пудов икры. Общая ценность вывезенного – 3,086 млн руб.⁸ Данные 1911 г. говорят о следующем: вывезено 450 524 пуда черной и 224 735 пудов красной рыбы, 3 140 пудов ценной икры на общую сумму 4 199 981 руб.⁹ Стоит заметить, что со временем количество вывезенной красной рыбы увеличивалось. Непосредственно сама войсковая казна от вывозимой рыбы имела доход в среднем 130 тыс. руб.¹⁰

Нужно иметь в виду, данный промысел целиком строился на общинных основах, что выражалось в общих для всех сроках и порядке вылова, в количестве допустимых снастей и работников. Исследователи однозначно оценивали это явление: «...нельзя не согласиться <...>, что такого, сравнительно справедливого по возможности способа пользования рыболовными водами нигде, кроме Урала, не существует»¹¹. Примечательно, что даже в советской историографии признавалось, что все казаки имели равные права на речные ресурсы, хотя

и не все из них могли позволить себе иметь необходимый инвентарь (снасти, лодки и т. д.)¹². В период бурного капиталистического развития России этот общинный порядок представлялся устаревшим и показывал, насколько живучими были устои казачьей жизни.

Вмешательство в уральное рыболовство со стороны «иногородних» не приветствовалось и всячески пресекалось. Один из поборников неприкосновенности казачьих прав писал с возмущением: «...по всем войсковым угодыям, пользуясь полной беззащитностью казачьего населения, рыщут голодные и подчас обнаглевшие иногородцы... Кто выловил в каком-нибудь озере сетью рыбу? – иногородец. Кто ловит, вернее, ворует, ту же рыбу удочкой в озёрах и по реке Уралу, не имея на это никакого права, обирая у казака единственный у него кусок хлеба? – тысячи иногородцев, заполняющих в праздничное время берега всех луговых озёр и реки Урала»¹³. Это мнение, видимо, разделялось большинством населения. Поводом к таким мыслям было то, что для многих казаков рыболовство было единственным средством к существованию. К этому прибавлялась давняя неприязнь уральцев к «мужикам», то есть русским из соседних губерний, приходивших в казачьи пределы в поисках заработка.

Другой особенностью местной экономики было её крайне слабое промышленное развитие. «Фабрик в Уральской области нет...», сообщалось в областной памятной книжке за 1913 г.¹⁴ Однако производство не отсутствовало полностью. Скорее, вплоть до революции, оно находилось в своеобразном зачаточном состоянии. Существовали мельницы, небольшие заводы, кузницы и т. д., но количество рабочих на них не превышало полторы тысячи человек¹⁵. Доход от этих предприятий не мог сравниться с доходом, получаемым областной казной от рыболовства. К примеру, в 1910 г. доход от мукомольных мельниц, кузниц, мыловаренных, кожевенных, салотопенных, клееваренных, пивоваренных, водочных, кирпичных заводов составлял вместе 18 389 рублей, тогда как прибыль от рыбной ловли – 201 957 руб.¹⁶

Почти весь небольшой промышленный сектор области находился в руках «иногородних». Историк Н. И. Фокин подсчитал, что в канун мировой войны на войсковой территории из 75-ти крупных предприятий только 4 принадлежали уральцам-казакам, а их капиталы были в 100 раз меньше производственных средств владельцев-«иногородних»¹⁷. Главное объяснение этого – исконный казачий уклад жизни. Издавна казаки имели главными своими занятиями службу государству и рыболовство. Другие виды деятельности многие из них считали ниже своего достоинства. В связи с этим производственные ниши, которые казаки не занимали, но без которых просто невозможно нормальное функционирование экономической жизни края (торговля, сельское хозяйство, промышленность), занимались приезжими предпринимателями. Поэтому, собственно, капиталистов-казаков на Урале было немного. Всё

производство от кустарных промыслов до мельниц и предприятий можно было назвать тут «иногородним». Любый приезжий мог найти здесь достойное применение своим навыкам и предложить нечто новое для местного населения. Деятельность таких ремесленников была интересна населению, поэтому до нас дошли свидетельства о подобных людях: «Один из переселенцев, малоросс Екатерин. губ., приехавший в Уральск поздно осенью, занимается на своей квартире в Новосёлках, в доме казака К-ва, выделкой черепицы для кровли домов... Сам хозяин квартиры, казак К-в, как говорят, намерен покрыть свой дом этой черепицей. Поступают заказы на эту черепицу и со стороны переселенцев, строящих свои дома в киргизской степи... По словам их, крыша из такой черепицы бывает очень прочна и обходится сравнительно дешевле, чем железная, и выходит очень красивая, особенно когда собрана из разноцветных плит...»¹⁸

Даже невзирая на свою небольшую значимость в местной жизни, уральская промышленность не смогла стоять особняком от общегосударственных тенденций и испытала влияние общероссийских монополистов. Любопытные факты по этому поводу сообщали «Уральские войсковые ведомости»: «...уральскому потребителю приходится особенно часто иметь дело с двумя российскими синдикатами: «Кровлей» и «Продаметом». В силу чисто тарифных условий местная железная торговля не может обойти данных синдикатов. С образованием их посредники постепенно начали чувствовать тяжёлую руку организованного капитала»¹⁹. К тому же, местные производители пытались создать подобные, хотя и ориентированные только на местные условия объединения: «У нас имелись, да и теперь появляются, временные соглашения мукомолов и скупщиков икры красной рыбы. Целью первых является повышение цен при продаже, вторых – понижение их при скупке икры у рыбопромышленников»²⁰. Тем не менее не следует полагать, что влияние синдикатов (и местных объединений) играло большую роль. Автор заметки, завершая свои размышления по поводу влияния монополий на промышленность области, справедливо констатировал: «...общественного мнения об этих синдикатах ещё не составилось, так как местное общество едва ли подозревает, что кроме разве стачки мучников и купцов на багренье (разновидность рыболовства на Урале. – П. П.), у нас существуют синдикаты, а о «Кровле» и «Продамете» большинство, вероятно, имеет самое смутное представление и в первый раз услышит, что он злодействует в Уральске»²¹. Тишину местной жизни не смогли преодолеть даже общероссийские синдикаты.

Но несмотря на отсутствие фабричной промышленности, область имела две перспективных особенности: железную дорогу на севере и южные прикаспийские нефтеносные районы.

Уральск был конечной станцией Рязано-Уральской железной дороги, доведённой до казачьей

столицы ещё в 1894 г. Железнодорожное хозяйство области было крайне бедным. Начиная от Семиглавого Мара (первая, самая западная станция Уральской области) и до Уральска за дорогой следили всего несколько станционных начальников. В самом же Уральске весь штат работников также состоял из нескольких человек. Уральский краевед Н. Г. Чесноков даёт исчерпывающее описание уральской «тупиковой станции»: «...вагонное депо на один вагон, локомотивное депо на три станка для паровозов <...> водокачка, два больших склада для товаров и великолепный вокзал с рестораном»²². Общая длина железной дороги на территории области составляла 110 вёрст. Тем не менее само наличие железной дороги дало импульс к развитию обрабатывающей промышленности в Уральске, так как город стал своеобразным транзитным центром, в который стекались продукты животноводства и земледелия со всей округи. Отсюда по железной дороге их можно было отправлять в Центральную Россию круглый год, тогда как грунтовые дороги функционировали только зимой и летом. Основой экспорта из области был хлеб, рыба и продукты животноводства (как казаков, так и казахов, сбывавших здесь свой многочисленный скот). Ввозили по железной дороге фабрично-заводские изделия, керосин, нефть, чай, сахар²³. Для понимания важности железной дороги, следует обратиться к простому примеру: после появления этого вида транспортировки через Уральск стали вывозить из области 88% всей свежей рыбы и 68% всего рыбного улова²⁴. Развитие железнодорожной торговли было прервано революцией.

Второй перспективной отраслью экономики были нефтедобывающие промыслы. С 1911 г. образуются несколько нефтедобывающих обществ, базирующихся, главным образом, в Гурьеве: «Нобель», «Уральско-Каспийское», «Колхида», «Эмба»²⁵. Добытую нефть на месте перерабатывали в керосин и бензин. Нефтедобыча стала самой молодой отраслью местной добывающей промышленности, вследствие чего она не успела в предреволюционный период дать серьёзных экономических выгод казачьему краю.

Подводя итог, можно отметить следующее. Экономика казачьего края начала XX в. имела некоторые отличающие её особенности. В первую очередь это сохранившийся общинный уклад, который во многом повлиял на то, что в области не произошло заметного поступательного развития промышленности. Градация населения на казаков и «иногородних» чётко зафиксировала разделение труда между ними: казаки, в основной массе, продолжали заниматься рыболовством, тогда как приезжие жители края, которые не входили в войсковое сословие, сосредоточили в своих руках промышленность области. Наличие же железной дороги и нефтеносных районов в регионе по причине слабого развития местного хозяйства не смогли переломить ход экономического развития Уральской области. И если железная дорога хотя бы увеличила вывоз товаров в центр

страны, то нефтедобывающая промышленность в связи с революцией не успела серьёзно повлиять на краевую экономику.

Примечания

- 1 Короленько В. Г. У казаков // Полное собрание сочинений. Т. 6. СПб., 1914. С. 132.
- 2 См.: Перечень подразделений сметы доходов общего войскового капитала Уральского казачьего войска на 1916 год // Приложение к официальному отделу Уральских войсковых ведомостей. № 10 за 1916 г. С. 1–3.
- 3 См.: *Бородин Н. А.* Уральские казаки и их рыболовства. СПб., 1901. С. 5.
- 4 *Бородин Н. А.* Копия грамоты 1906 года (26 февраля) // В защиту уральского рыболовства. СПб., 1910. С. 64–65.
- 5 *Бородин Н. А.* Копия грамоты 1906 года (6 апреля) // В защиту уральского рыболовства. С. 65–66.
- 6 Там же. С. 18.
- 7 См.: Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1902 год. Уральск, 1901. С. 89.
- 8 См.: Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1906 год. Уральск, 1906. С. 75–76.
- 9 См.: Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1913 год. Уральск, 1913. С. 24.
- 10 См.: *Бородин Н. А.* В защиту уральского рыболовства. С. 21.
- 11 Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. 18. Киргизский край. СПб., 1903. С. 269.
- 12 См.: *Москалёв Г. Е.* Хозяйственный облик дореволюционного Яицка-Уральска. (Научные записки Зап-Каз. отделения географического общества СССР, вып. 7). Уральск, 1956. С. 38.
- 13 *Уралец.* Почему казаки обеднели // Великая Россия. Кн. 2. М., 1911. С. 210.
- 14 См.: Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1913 год. С. 31.
- 15 Там же.
- 16 См.: Перечень подразделений сметы доходов общего войскового капитала Уральского казачьего войска на 1910 год // Приложение к официальному отделу Уральских войсковых ведомостей. № 15 за 1910 г. С. 2–3.
- 17 *Фокин Н. И.* Уральск православный. Уральск, 2010. С. 195.
- 18 Уральские войсковые ведомости. 1910. № 22. С. 4.
- 19 Там же. № 19. С. 6.
- 20 Там же.
- 21 Там же.
- 22 *Чесноков Н. Г.* Исторический провал. Уральск в гражданской войне. Уральск, 2010. С. 6.
- 23 См.: Россия. Полное географическое описание нашего отечества. С. 306.
- 24 См.: Итоги вывоза рыбы и её продуктов из пределов Уральского казачьего войска за время 1886–1911 гг. Уральск, 1912. С. 31.
- 25 Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1915 год. Уральск, 1915. С. 76–77.